

Николай
Шевченко

Гнеуназ

Его

Величества

Николай Шевченко
Спецназ Его Величества

«Accent Graphics communications»

2012

Шевченко Н.

Спецназ Его Величества / Н. Шевченко — «Accent Graphics communications», 2012

Франция – XVII век. Времена правления Людовика XIV. В окрестностях одного провинциального городка совершено двойное убийство. У оврага на месте преступления нашли несколько старинных драгоценностей, что предположительно указывало – убитые нашли огромный клад. При прочесывании оврага под названием Чертова лапа погибли солдаты и мушкетеры короля. Расследование по этому делу Людовик XIV поручил своему тайному советнику де Флери. Чтобы найти клад и уничтожить охранявших его Стражников, де Флери начал формирование особого специального отряда из приговоренных к заключению дворян. Затем была кровопролитная схватка... Но выжившие из спецназа не знали, что смерть все еще кружит над ними.

© Шевченко Н., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Спецназ Его Величества	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Николай Шевченко

Спецназ Его Величества

В один из вечеров, когда на Париж опустились душные летние сумерки, из трехэтажного дома по улице Святого Фомы вышел человек в легком синем плаще. Он направлялся в Лувр, находившийся всего в пятнадцати минутах пешего хода. Но мужчина торопился на очень важную встречу, поэтому, сокращая путь, свернул с более-менее освещенной масляными фонарями улицы в узкий извилистый переулок, с обеих сторон которого стояли мрачные каменные дома с закрытыми ставнями.

Вскоре он услышал за собой шаги двух человек и резкий разбойничий свист, повернув за угол, он увидел, как впереди от стены дома отделились три человека, и не спеша двинулись к нему, один из них держал в руке горящий факел. С первого взгляда становилось ясно – это ночные грабители, – помятые черные шляпы, заросшие щетиной давно небритые, недобро ухмыляющиеся лица, ну и конечно, большие ножи за матерчатыми поясами. Мужчина в плаще оглянулся. Сзади, помахивая короткими дубинками, к нему приближались повеселевшие сообщники бандитов – у жертвы точно не было шпаги, значит, все закончится быстро и без лишней суеты.

Мужчина встал боком к обеим группам, спокойно переводя взгляд с одних на других. Такое поведение несколько смущало бандитов, человек не звал на помощь и не пытался вырваться из окружения.

– Снимайте плащ, сударь, – угрожающе прохрипел невысокий, плотного телосложения грабитель с лицом покрытым шрамами, на вытянутой руке обводя факелом фигуру жертвы, – и отдайте ваш кошелек по добру, по здорову. – Товарищи, стоящие за его спиной, демонстративно медленно вытащили из-за поясов тесаки.

Человек в плаще сделал короткое движение ладонью в его сторону, бандит, выронив факел, от резкой боли схватился за живот, с отрывистым мычанием хватая ртом воздух. И пока грабители с недоумением глазели на своего жоака (бесконтактный метод нападения всегда выглядит впечатляюще!), человеку хватило двух секунд, чтобы оказаться сзади двух верзил с дубинками и одновременно нанести им ребрами ладоней рубящие удары чуть-чуть ниже ушей. Они беззвучно рухнули на землю. А незнакомец шагнул к оставшимся, они, выпучив глаза, пока так ничего и не поняли толком, но выставив тесаки, бросились на него. Человек в плаще легко ушел в сторону, ногой ударил одного под коленную чашечку и, тотчас перехватив руку с ножом под треск ломающейся кости и протяжный вопль грабителя, прокрутил нападавшего вокруг себя, мешая ударить второму, у которого в следующее мгновение выбил оружие ударом по локтю, а кулаком в кадык отключил сознание.

На верхних этажах открылись окна, откуда осторожно выглянули испуганные и заспанные лица. Ногой в лоб неизвестный мастер боя прервал мешающие людям крики и стоны покалеченного, и пошел вслед за жоаком, а тот, держась руками за живот, согнувшись и шатаясь, трусил по переулку.

– Не подходи, дьявол, – хрипел бандит, оглядываясь на страшного человека в плаще, а он небрежно пнув убегающего под зад, поднял голову жоака за волосы и ударил лицом об булыжники мостовой. Если ночной убийца выживет, до грядущей виселицы одним шрамом на его роже будет больше, делов-то!

Тайный советник Его Величества Людовика XIV аббат Эдмунт де Флери, задумавшись, сидел за громадным письменным столом, заваленном бумагами, картами и книгами. Он готовился к предстоящей встрече с королем. Стол занимал, примерно, треть его небольшого кабинета, еще столько же места захватили высокие книжные шкафы по обе стороны помещения,

упирающиеся в потолок. Для посетителей предназначался небольшой диванчик, обтянутый сафьяном и два старых, но крепких кресла. Эдмунту де Флери недавно исполнилось сорок семь лет, он был худощавого телосложения, с вытянутым аристократическим лицом и пронзительным умным взглядом, его предки происходили из древнего, но обедневшего рода, ведущего свое начало еще со времен правления Филиппа IV Красивого.

Де Флери при дворе сейчас почти никто не помнил, кроме самых давних и преданных вельмож короля, хотя он находился при Людовике уже более тринадцати лет, с 1661 года, с тех пор, когда Король-Солнце зашел на престол.

А за полгода до этого очень способного священника, обладающего энциклопедическими знаниями, старенький настоятель небольшого монастыря Сен Клод представил кардиналу Мазарини. В течение нескольких многочасовых бесед со скромным священнослужителем кардинал пришел в восхищение от его знаний, живости ума и построения строгой логики, исходящих из комплекса реалий и исторических параллелей, четких, труднооспоримых выводов по большому кругу вопросов, как богословских, так и общественных.

Мазарини понял, что перед ним человек, имеющий государственный склад ума, а таких при дворе можно было пересчитать по пальцам, но и среди них никто не знал восемнадцать языков. Де Флери прекрасно бы справился с должностью любого министра, но, к сожалению, аббат не рвался, ни к власти, ни к деньгам, проявляя к этим мирским соблазнам абсолютное равнодушие. Его больше привлекал тихий шелест страниц редких книг, перелистывая которые, он испытывал такие же чувства, как и гурман, проглатывающий слюну перед подачей изысканных блюд. Но от таких редких людей Мазарини отказываться не собирался, и уже чувствуя, что протянет на этом свете недолго, предложил аббату иногда помогать молодому Людовику добрыми верными советами, прилагая свои знания на благо короля и Франции.

– Ваше Преосвященство, у меня нет опыта в государственных делах, – в некоторой степени польщенный, но больше смущенный предложением кардинала ответил де Флери, – а без него любые знания в этом сложном деле не помогут.

– Вы не правы, мой друг, – возразил Мазарини, – умный человек не примет дурацких решений, он может принять неверное, и то, только из-за недостатка информации. Но если возникшую проблему разложить на составные, выделить из нее причину и следствие, то решение становится ясным и безошибочным. А вы на это способны. И я полагаю, благодаря вашему аналитическому мышлению вы будете очень полезны молодому государю. Но, а опыт – дело наживное. Возьмем, к примеру, поэта Малерба, которого мой предшественник кардинал Ришелье сделал казначеем Франции. И он неплохо справлялся.

– Но ваше Преосвященство, – взмолился де Флери, – это же такая ответственность – советовать королю! Я не достоин.

– Не скромничайте, аббат, мне об этом лучше знать, – нахмурился кардинал. – Разве вы не патриот Франции, разве вы не молитесь святому Дионисию, покровителю нации? И если я выбрал вас, то значит, так надо!

Де Флери понял, что отказываться от предложения Мазарини опасно и глупо. В конце концов, он действительно может кое в каких вопросах давать консультации королю.

Тогда аббат поставил единственное условие – он будет советником, если король пожелает принять его скромную помощь, но советником тайным. Он не собирается тратить свою жизнь на пустое времяпрепровождение как многие из вельмож, крутящихся возле Людовика на дворцовых приемах и балах, пирах, охотах и тому подобное. Только так.

– Ну что ж, де Флери, если вы настаиваете, пусть будет по-вашему, – согласился Мазарини. – Но и у меня есть небольшое условие: наше знакомство и сегодняшняя встреча должна остаться тайной для всех, и для короля тоже. Следует отметить, что молодой Людовик относился к кардиналу весьма неоднозначно, недолюбливая главного духовника Франции, но, однако, явной вражды не проявлял.

Опытному интригану и пройдохе Мазарини не составило особого труда через ничего не подозревающих влиятельных лиц вывести аббата де Флери на ближайшее окружение короля. Как и надеялся кардинал, де Флери поразил всех знаниями и естественной скромностью, способностью поддержать разговор на любую тему с любым человеком. Дамы, в особенности, были от него в восхищении, так как аббат много путешествовал, то знал многие тонкости парфюмерного и парикмахерского искусства многих стран и времен. По их просьбам охотно читал знатным представительницам слабого пола стихи модных и известных поэтов, цитировал афоризмы Ларошфуко, высказывал тонкие и точные замечания по поводу знаменитых пьес Корнеля, Расина, и неоднозначно принимаемых в высшем обществе комедий Мольера. Казалось, он знал все и обо всем. Конечно, такой согм талантов привлек всеобщее внимание и через несколько дней его представили Мазарини. При встрече они сделали вид, что незнакомы, но непривыкший к обману и лукавству де Флери при этом заметно покраснел, впрочем, придворные отнесли это к его скромности.

Уже после смерти Мазарини де Флери удостоили чести быть представленным королю, который упразднив должность первого министра, начал править страной самостоятельно. Но об аббате, рекомендованном кардиналом, Людовик не забыл и вскоре назначил ему личную аудиенцию. О чем они говорили, не узнал никто, но неожиданно аббат перестал появляться при дворе. По городу поползли слухи, что священник чем-то не угодил королю, и о нем постарались забыть.

Молодой монарх, начавший самостоятельное правление очень нуждался в не амбициозных, не просящих должностей и милостей придворных. А таких почти не было, кроме Эдмунта де Флери, учившего короля интересоваться деталями событий, происхождением процессов, выделяя существенные, основные направления. Людовик оказался способным учеником, быстро воспринимал новое и обладал политическим чутьем, интуицией. Конечно, аббат не единственный, кто помогал королю обрести уверенность в государственных делах, у того имелись преданные, опытные и неглупые вельможи, и он впитывал их советы и ценил работу, не оставляя без наград. А вот де Флери ничего никогда не просил, это вначале настораживало и удивляло, но узнав аббата лучше, Людовик втайне умилялся, что у него есть удивительно бескорыстный подданный, а затем, постепенно привык к врожденной скромности своего советника, тем не менее, заставил его согласиться принимать солидное ежемесячное вознаграждение за важные услуги. Эх, было бы побольше у него таких приближенных, не рвущихся к власти и деньгам! А сам де Флери тратился, в основном, только на редкие книги и старинные рукописи. Личный секретарь короля, регулярно доставляющий ему в Париж (где за государственный счет аббат снимал небольшую, но уютную квартиру), важные бумаги и письменные указания Людовика, сообщал о времени очередной аудиенции. Король в Париже бывал очень редко и встречи с ним происходили то в Лувре, то Тюильри, то в Сен-Жермен-О-л'Э. В этом году Людовик жил в Версале. Он принимал советника обычно во второй половине дня, когда до поздней ночи работал наедине с государственными министрами и секретарями. Де Флери заводили через черный ход, поэтому из сановников его никто не видел и не знал, кроме Жан-Батиста Кольбера, министра и главного интенданта, с которым с подачи короля они иногда встречались и вели долгие беседы, находя взаимопонимание во многих вопросах. Кстати, Кольбера Людовику тоже рекомендовал Мазарини, и это их сблизало, особенно, в начале знакомства, когда велась компания по удалению со своего поста обнаглевшего и зажившего за государственный счет главного интенданта Фуке. И де Флери и Кольбер, и, особенно, сам король ненавидели этого зарвавшегося вора, который впоследствии был арестован, лишен всех постов, состояния и пожизненно заключен в замок-тюрьму Пиньероль. Именно в тот год де Флери посоветовал Кольберу, занявшему место Фуке, содействовать поднятию искусств и наук, а также заняться вопросами торгового флота, который вскоре стал третьим флотом в мире. В военные дела де Флери старался не лезть, но что делать, если внешняя поли-

тика Людовика включала активные и во многом успешные военные действия по захвату новых территорий. В 1668–1671 годах на основе разработанного с помощью тайного советника проекта, Людовик успешно изолировал Нидерланды от союза с Англией и Швецией путем многочисленных солидных подкупов, и привлек на сторону Франции Кельн и Мюнстер.

В последние годы Людовик все реже общался с тайным советником, он стал более опытным монархом, и его ближайшее окружение по вопросам внутренней и внешней политики было подобрано вполне удачно, хотя, конечно, и далеко до совершенства. Но оно разве бывает? А когда все идет успешно, тайный советник может заниматься своими научными изысками, лишь бы на всякий случай всегда находился под рукой. Поэтому король запретил де Флери покидать Францию и выезжать в колонии, от чего Эдмунту временами становилось чрезвычайно тоскливо, он привык путешествовать, видеть что-то новое, встречаться и изучать загадочное. А сейчас он чувствовал себя просто пыльным книжным червем или птицей, заточенной в золотую клетку своеобразного личного расположения короля. Но на днях король назначил ему аудиенцию. Значит, произошло что-то важное, не требующее огласки. Да, так оно и было.

Людовик показал де Флери любопытные бумаги по ведомству Кольбера. Восемь дней назад в канцелярию государственного министра поступило сообщение от интенданта провинции Бретань, где находился город Алантсон. Речь шла о предполагаемом кладе гугенотов. С целью уточнения информации Кольбер направил туда несколько доверенных лиц, и они провели собственное расследование и реконструкцию происшедших событий.

В окрестностях этого небольшого города находилась разветвленная система оврагов, заросших густой растительностью, а за оврагом начинался густой лес. В этих оврагах по смутным слухам среди местного населения были кем-то запрятаны несметные сокровища. Но само место считалось нехорошим, заколдованным, где все искатели сокровищ – и приезжие и свои, пропадали бесследно. Со временем, и горожане, и сельские жители стали бояться даже приближаться к оврагу, носившему зловещее название Чертова лапа.

А дело, по словам резидентов Кольбера, происходило так: алантсонцы: ботаник-любитель Пьер Альетте и его друг Климонт, выйдя из леса по пути домой, решили сократить путь и пересечь овраг, чтобы быстрее попасть на дорогу, ведущую в город. Два друга хотя и не слыли смельчаками, но не особенно верили всяческим рассказам о проклятом месте. Спускаясь по склону оврага, весьма глубокого и мрачного, они наткнулись наподобие большой норы, ведущей куда-то вглубь. Недавно прошли проливные дожди и массу земли, в виде утрамбованной пробки, закрывавшей и маскировавшей вход, смыло потоками воды. Пьер и Климонт были любознательными людьми, поэтому, набрав охапку сухих веток, друзья подожгли их и с этим примитивным факелом проползли на коленях несколько ярдов. Далее ход неожиданно расширился, и можно было идти, не сгибаясь, но путь преградила окованная железом дубовая дверь. Сильно заинтригованные увиденным, Пьер и Климонт запомнили место и вернулись домой, ничего никому не сказав об этом. Но не совсем так, кое-что Климонт под большим секретом рассказал своей настырной жене, с которой впоследствии поговорили люди Кольбера.

Вернувшись на следующий день к подземному ходу с инструментами и факелами, друзья после долгих усилий взломали дверь и обнаружили в открывшемся подземном помещении то, о чем втайне мечтали – пять больших сундуков доверху заполненных различными украшениями из золота и серебра, а также крупных драгоценных камней, среди них встречались и золотые монеты. С первого взгляда становилось ясно, что сундуки заполнялись в большой спешке, т. к. все их содержимое лежало беспорядочно и вперемешку.

Уже темнело и счастливики, торопясь, прихватили с собой только по небольшому мешочку с золотом и драгоценностями, и пошли в город, планируя завтра вместе с домашними вернуться сюда с двумя повозками. Они стали сказочно богаты! И обалдевшие от привалившей удачи Климонт и Пьер, шли по дороге, захлеб делясь друг с другом радужными планами

насчет ближайшего будущего. Они не заметили, как следом за ними из оврага выскользнули две тени в черных плащах и, прячась за деревьями, неслышно следовали за ними. Выбрав удобный момент, когда луну на время заслонили тучи, преследователи приблизились вплотную к беззаботно болтающим друзьям. Мгновенье, и Климонт, захрипев, схватился за перерезанное горло, Пьер, обернувшись, успел инстинктивно выставить навстречу блеснувшему клинку руку с мешочком. Из разреза на землю посыпались золотые монеты. Пьер хотел отскочить и заорать что есть мочи, но тут получил глубокие раны в грудь и в печень, и со сдавленным криком, повалился на пыльную дорогу.

Невдалеке послышались веселые голоса и скрип повозки. Нападавшие быстро подобрали, что успели и исчезли в лесу.

– Что это там? – привстал сельский викарий, тыча пальцем на лежавшие впереди тела. Его подгулявшие спутники, возвращающиеся из города домой после свадебного гуляния, замолкли и, соскочив с повозки, увидели двух окровавленных человек.

Пьер Альетте был еще жив и перед смертью успел сказать несколько слов о кладе. Крестьяне нашли рядом несколько драгоценных камней и золотых монет, и викарий изъясил их для следствия.

«Но, наверняка, не все», – усмехнулся про себя де Флери.

По прилагаемой к находкам описи из чеканки было обнаружено три золотых эку, два соверена и один старый испанский пиастр. Из камней – два крупных, хорошо ограненных рубина, три чистейших изумруда и один сапфир. Все эти драгоценности стоили весьма приличную сумму, а потом королевские ювелиры определили их индийское происхождение.

Когда на место убийства утром приехали служители закона, то полицейские более ничего не нашли, кроме чужих следов, что позволяло предполагать – преступники вернувшись на рассвете, тщательно просеяли не только дорожную пыль, но и прочесали траву на обочине.

По распоряжению интенданта провинции префект Алантсона выставил редкую цепочку стражников вдоль оврага с обеих сторон на всем его протяжении, и отправил донесение в Версаль.

Кольбер доложил обо всем Людовику, а так как казна всегда испытывала денежные затруднения, в Алантсон было направлено более ста солдат для прочесывания оврага и его многочисленных ответвлений. Но клад не давался, происходили загадочные вещи: странно пахнущие туманы напоздали на служивых, которые полностью теряли ориентацию, слышались какие-то голоса, появлялись пугающие призрачные видения, а несколько человек вообще исчезли без следа. Ясное дело – без колдовства тут не обошлось.

Если офицеры еще кое-как держались, то солдаты из простолюдинов были напуганы до смерти и отказывались даже под угрозой военного суда спускаться в этот проклятый, дьявольский овраг, который, оказывается, на карте своими очертаниями напоминал растопыренные кривые пальцы руки. Солдат сменили, прислав новых, но уже не заставляли лезть в овраг, а оцепили его плотным кольцом. А для исследования Чертовой лапы прибыл отряд королевских мушкетеров, опытных вояк, не боящихся ни черта, ни бога, особенно, когда им за это пообещали три месячных оклада.

Тридцать человек, вооруженных до зубов, рано утром спустились в овраг, чтобы до вечера обследовать его самый длинный рукав. Сверху за ними наблюдали солдаты, готовые прийти на помощь по первому зову, хотя увядавшая, но еще густая растительность по склонам, а особенно, на дне оврага, почти сразу скрыла храбрых мушкетеров. Некоторое время сверху видели их шляпы, но потом они полностью исчезли из поля зрения. Ближе к полудню солдаты услышали приглушенные крики и выстрелы, но никто из них вниз не полез. Наступил вечер, затем ночь, и только под утро наверх вскарабкались три поседевших мушкетера в рваных окровавленных одеждах.

Они, жадно осушив по бутылке вина, рассказали подбежавшим офицерам, что днем на растянувшийся в густых зарослях отряд напали какие-то люди в черных плащах (сущие дьяволы!), не успели мушкетеры выхватить шпаги и приготовить мушкеты, как около пятнадцати человек уже были мертвы. Люди в черном носились, словно молнии среди растерявшихся представителей воинской элиты, метали ножи и рубили саблями. А если в кого из нападавших мушкетеры стреляли, то они невероятно быстро уходили в сторону, оказываясь через несколько мгновений за спиной стрелка, отсекая несчастному голову или на уровне поясицы перерубая туловище напополам. Нечеловеческая прыть, просто дьявольские магические методы ведения боя! Все продолжалось не более семи минут, а может, и меньше. Притворившись убитыми, трое уцелели, а демоны в черных плащах, не осматривая своих жертв, как-то незаметно и тихо исчезли. Оставшиеся в живых уложили разбросанные вокруг тела своих товарищей в два ряда, и тут наступила ночь. В темноте подниматься вверх они не решились, боясь не запомнить место, и только лишь утром...

– Господа, надо вытащить оттуда тела мушкетеров, иначе, все здесь присутствующие навлекут на себя гнев короля, – тихо сказал один выживших, смертельно бледный из-за плохо перебинтованной кровоточащей раны в предплечье. – И Бог нас не простит.

Офицеры перекрестились и в некотором замешательстве переглянулись.

– Я думаю, господа, в этом деле нам ничего не грозит, – продолжил раненый, – эти дьяволы убивают только искателей клада, похоронная команда им не нужна.

Офицеры вынуждены были согласиться.

По высочайшему приказу официальная версия происшедшего гласила, что отряд мушкетеров попал в засаду большой толпы вооруженных крестьян и представителей мелкой буржуазии, протестовавших против увеличения подати на соль – габели. Отряд вступил в схватку и разогнал бунтовщиков, но понес значительные потери. Кстати, по той же версии следовало, что все это произошло в окрестностях городка Шавель, находящегося в двадцати лье от Алантсона. Со всех офицеров, участвовавших в оцеплении оврага, взяли клятву молчать, а солдатам это просто приказали.

Через неделю после гибели мушкетеров в окрестностях Алантсона выпал редкий в этих местах снег, он шел два дня, завалив склоны и дно оврага густым покрывалом. И если потом на полях и в городе снег на время растаял, то в Чертовой лапе он лежал даже не подтаявший, словно в погребу. Наступила зима, декабрь 1674 года.

Такой (результат экспедиции) оборот дел привел в ярость Людовика XIV, как это – кто-то имел наглость препятствовать его мушкетерам исполнить приказ короля?! И двадцать семь человек преданных ему дворян было убито! Это прямой вызов, и такое нельзя стерпеть. Он вызвал тайного советника и отдал ему приказ заняться этим загадочным делом. Разузнать подробности, доложить и высказать свои соображения. Данный вопрос не по ведомству Кольбера, пусть он решает свои проблемы.

И вот сейчас де Флери еще раз обдумывая полученные сведения, приготовился к встрече с королем, приехавшим по какой-то надобности в Лувр буквально часов на восемь, до полуночи. На аудиенцию с Его Величеством аббат отправился пешком, благо он жил недалеко от дворца, на улице Святого Фомы, а вот путь ему пытались преградить пятеро лихих грабителей, но им очень не повезло в эту ночь...

– Ваше Величество, я систематизировал все факты об убийцах в черных плащах, и с вашего высочайшего позволения выскажу свои предположения.

Людовик XIV, скривив губы, кивнул:

– Вы знаете, аббат, я в крайнем раздражении – потерять столько преданных мне людей. Мы что, деремся с войсками регулярной армии противника? В моем государстве, нанесшем сокрушительный удар по заносчивым Нидерландам, уничтожили целый отряд мушкетеров, и

это не считая солдат. Неслыханно! Я с трудом удержался, чтобы не посвятить в наш секрет военного министра, хотя до него и дошли кое-какие слухи.

«Да, сдержаться король может только когда речь идет о приличном пополнении казны», – усмехнулся про себя де Флери.

– Понимаю, Ваше Величество, – склонил голову аббат. – Так вот, похоже, в Алонтсоне действовали члены «Черных стражей» – тайной охранной организации или братства.

Король Франции удивленно приподнял брови:

– Никогда не слышал о таком. Впрочем, продолжайте.

– По результатам моих исследований братство «Черные стражи» возникло за несколько лет до Варфоломеевской ночи. В то время гугенотам, как мне удалось выяснить, досталась часть запрятанных сокровищ французских тамплиеров...

В глазах Его Величества появился огонек живейшего интереса.

– Вожди гугенотов на основе найденных сокровищ создали специальный секретный денежный фонд, который регулярно пополнялся и предназначался только для самых исключительных случаев. А вы прекрасно знаете, сир, вожди гугенотов и ближайшее окружение были весьма состоятельными и неглупыми людьми, и можно предположить, что они учитывали возможность резкого ослабления своего влияния во Франции. И хранили ценности фонда где-то вне Парижа, возможно, в городах Коньяк, Монтобан или Ла-Рошель, контролируемые ими.

– Погодите, Эдмунт, – заволновался король, перейдя на доверительный тон, – значит, убитые тогда предводители гугенотов во главе с Гаспаром де Шатийон Колиньи, а их, насколько помню было не менее десятка, не успели воспользоваться своим богатством, иначе они бы подкупили простолудинов Парижа? И не было бы никакой Варфоломеевской ночи?

– Совершенно верно, Ваше Величество, – утвердительно кивнул де Флери, – теоретически они могли бы такое сделать, во всяком случае, приглушить на время гнев народа. Но переоценили свои силы и влияние, до самого последнего момента не веря, что такое может произойти. И надо учитывать то, что вопросы истинной веры стоят выше любых денег.

– Здесь я полностью согласен с вами, дорогой Эдмунт! – горячо воскликнул Людовик. – Верность королю и святой церкви – это два мощных столпа государства, и победы моей армии не раз доказывают, что все именно так! Но мне непонятно одно, – сбавив пыл, спросил он, – но, а как же будущий король Франции Генрих IV, принц де Конде, граф де Граммон, де Гамаш? Они-то должны были знать о местонахождении сокровищ, но никто не обмолвился даже словом до конца жизни. Почему?

– Не могу точно сказать насчет этого, сир, но думаю, они просто боялись черных стражей и тайных Хранителей фонда, а такие обязательно должны были быть.

Людовик недоверчиво хмыкнул и тихо пробормотал как бы про себя на всегда волнующую его тему денег:

– Любопытно, каков же был их секретный фонд?

Он не ожидал ответа, но все же его получил.

– По моим приблизительным подсчетам сейчас бы он оценивался более миллиарда ливров.

– Что!? – потрясенный Людовик чуть ли не подпрыгнул в своем кресле. – Вы так считаете? Ну а клад в Алантсоне?

– Хотя это только часть фонда (глупо хранить все сокровища в одном месте), но судя по тому, как его жестко защищают, вполне возможно, что золотых монет и драгоценных камней там на сто или двести миллионов ливров.

Еще до вызова солдат и отряда мушкетеров в злополучный овраг, король интересовался стоимостью клада, но советник тогда отделался общими фразами о его большой ценности, а сейчас он был уверен в этом.

– Не плохо, не плохо, государственной казне очень быгодились эти деньги, – Людовик алчно потер ручки. – Но продолжайте, мой дорогой аббат.

– После поражения гугенотов, оставшиеся в живых посвященные разделили сокровищницу на части, не менее трех и не более пяти. Здесь я следую простой логике: если фонд разделить на две части, то при потере одной, это составит уже половину. Очень много. Если на три части – потеря одной – треть. А пять частей – максимум, нужно слишком много людей для постоянной охраны, и кто-то может невзначай проговориться.

Людовик согласно кивнул.

– Опять же, следуя логике, местами нахождения сокровищ фонда не могли быть какие-либо здания, там может случиться пожар, снос или постройка новых домов. Но и место должно быть сравнительно недалеко от дороги, города или деревни, чтобы при случае изъять и вывести ценности без особых трудностей. К тому же, клад должен находиться в труднодоступном месте или куда люди без особой необходимости ходят неохотно. Например, как известная нам зловещая Чертова лапа. Кстати, для этого неплохо подходит и кладбище – многое можно спрятать под могилами. А сейчас, именно о черных стражах, сир.

Для охраны сокровищ, по моим отрывочным и скудным сведениям вначале были привлечены наемники из Китая, владеющие совершенным боевым искусством, о котором многие даже и не слыхивали. В основном, это были преступники, приговоренные у себя на родине к смертной казни. Гугеноты и их люди выкупили и завербовали таких бандитов. Оторванные от привычной среды, дома, и привезенные за тысячи лье в чужую страну, не понимающие европейских языков, они и составили костяк неподкупных и надежных отрядов стражей гугенотских сокровищ. За прошедшие сто с лишним лет их внуки и правнуки, пережившие на француженках, продолжали дело первых стражей под постоянным присмотром потомков французских гугенотов. Своего рода воинская служба, за которую, плюс за молчание, я уверен, хорошо платят. Не надо ни пахать, ни мастерить, только выходить на пост, сторожить и убивать слишком любопытных. Я думаю, что основная часть сокровищ уже сдана в крупные банки, например: в Амстердамский, Гамбургский или «Banco del Giro» в Венеции. А так как эти солидные банки, в основном, берут на хранение только полноценные монеты, то с драгоценностями дело обстоит несколько сложнее. Конечно, владельцы фонда могут обратиться и к швейцарским банкирам, они часто помогают и Вам, Ваше Величество, но такая огромная стоимость вносимых ценностей от частного лица вызовет у банкиров некоторые лишние вопросы, ведь с первого взгляда станет ясно, что это не семейные реликвии. Впрочем, это лишь мои предположения.

Король сидел в задумчивости. Информация де Флери его несколько озадачила, но он был человек неглупый и изодрен в государственных делах, особенно, по выявлению своих врагов.

– А что, мой дорогой аббат, где-то поблизости Алантсона или в самом городке есть потомки выходцев из Китая? Ведь даже в четвертом или пятом поколении в них остались восточные черты.

– Нет, на двадцать лье вокруг Алантсона таких не обнаружено, хотя это не значит, что их нет. Ваше Величество, – делая восхищенный вид, развел руками де Флери (Людовик очень любил лезть), – надо отдать очередную дань вашей проницательности, гибкости и быстроте ума. Я до этого не сразу додумался. – На лице короля, как он и ожидал, мелькнула довольная улыбка. – Поэтому, опасаясь привлечь к себе внимание эти стражи, наверняка, приезжают откуда-то издалека, и живут рядом с охраняемым местом в укромных убежищах, периодически сменяясь.

– А не решить ли нам эту проблему, – король в раздражении затопал ногой, – самым простым способом – отправить в Чертову лапу полк солдат, они там просеют каждую горсть земли и найдут любой тайник. Почему же от вас, мой умнейший советник, я не слышу такого предложения?

– Потому что, сир, в таком случае, стражи будут знать, что это сделано по вашему приказу.

– Ну и что? – удивился король. – А по чьему же еще?

– Тогда, – де Флери сделал зловещую паузу и взглянул прямо в глаза монарха, – они будут мстить лично вам, сир. И никакие телохранители вас не спасут.

Людовик, до которого постепенно дошел грозный смысл слов тайного советника еле заметно побледнел. Неужели даже так? Но кто посмеет поднять руку на короля Франции?!

– Они китайцы, сир, – словно читая мысли Людовика, негромко сказал де Флери. – Вернее, остались китайцами. И вряд ли послушают приказы своих кураторов о вашей королевской неприкосновенности. – Он намеренно ступал краски до предела, не желая лишних жертв.

«Проклятье! Как всегда трудно достаются денежки!», – король вспомнил о гибели полуроты мушкетеров, и только сейчас поверил словам аббата, почему спасенные от резни высокопоставленные гугеноты молчали о сокровищах. Он невольно поежился, но тотчас принял невозмутимый вид, в вопросах собственной безопасности Людовик XIV всегда проявлял бесстрашие.

– Ну и что вы предлагаете, де Флери? – строго спросил он. – Война с Нидерландами еще не закончена. И мне очень нужен этот клад.

«Ну кто бы сомневался», – подумал Эдмунт.

– Сделать тоже, что в свое время и гугеноты. То есть из заключенных в Пиньероле, Экзиле и Сент-Маргерите набрать с десятков человек, готовых пойти на смертельный риск ради помилования, ну может и кое-какого небольшого вознаграждения на дорожные расходы, и выучить их сражаться по методу стражей-китайцев. Думаю, для такого дела более подойдут дворяне, к тому же, с них можно взять слово.

– Неплохое решение, – повеселел Людовик, но вдруг спохватился. – А кто их будет учить, Эдмунт? У нас есть такие люди?

– Нет, сир, я таких не знаю, поэтому смею предложить в качестве учителя себя. Мой помощник тоже знает секреты восточных единоборств.

– Вы?! – в который раз за сегодняшнюю беседу удивился король. – Вы знаете китайский бой? Откуда?

– Я рассказывал Вашему Величеству, что несколько лет из своих путешествий жил на Тибете, и там, в одном из монастырей мне посчастливилось, а для иностранцев такое почти невозможно, пройти курсы секретной рукопашной борьбы тибетских монахов. Со слов оставшихся в живых мушкетеров, я понял, что убийцы действовали в похожей манере боя. Да и Тибет географически примыкает к Китаю.

После некоторого нарочитого раздумья Людовик принял предложение своего тайного советника (жажда денег, в которых король всегда нуждался, оказалась приоритетной), но при условии, что список всех кандидатов, отобранных де Флери, он будет тщательно изучать. По этой причине аббату пришлось трижды согласовывать проект списка у короля, а он по какому-то неведомым советнику причинам вычеркнул из первоначального варианта десяток имен, на взгляд де Флери совершенно неопасных заключенных. Хорошо, что Эдмунт предполагал подобное, поэтому под именем Жака де Фруа – доверенного лица Его Величества получил предварительное согласие у выбранных им двадцати одного узника четырех крепостей, включая Венсенн. На неоднократное посещение этих мест заключения у него ушло полмесяца. Аббат хорошо разбирался в людях, и как священник, отпускавший грехи, и как умный и проницательный человек с большим опытом общения. Оставалось одиннадцать кандидатов. По просьбе де Фруа король отдал приказ канцлеру, и вскоре на этих людей Эдмунт получил подробные досье и копии обвинительных приговоров, после чего вычеркнул еще троих.

Итак, всего восемь кандидатов для боя с черными стражами – семь мужчин и одна молодая женщина, девятнадцати лет. Мадам Клэр, англичанка, родом из Кардифа, два раза пытав-

шаяся бежать из замка крепости Пиньороль (где сидел, приговоренный к пожизненному заключению бывший суперинтендант финансов Франции Николь Фуке), при этом три надзирателя получили тяжкие телесные повреждения от прекрасной дамы. Она отлично умела не только метать ножи, но и вилки и ложки. Несмотря на резко ухудшившиеся условия заключения после попыток бегства, де Флери не увидел в ее глазах смятения и безразличия к своей судьбе, взгляд Беатрис Клэр был холоден и спокоен, а плотно сжатые губы лишь подтверждали неукротимость ее характера. Она была женой морского офицера Френсиса Клэра, сражавшегося в составе военного флота Испании в одном из боев против французских фрегатов. Испанский корабль, на котором находился горячо любимый муж Клэр, после ожесточенного боя захватили французы и отбуксировали в ближайший контролируемый ими порт. Через некоторое время Клэр пришло известие, что ее супруг, с которым она не прожила вместе и полутора лет, погиб. Не веря в его гибель, отважная женщина, оставив годовалого ребенка на руках матери, отправилась по следам Френсиса выяснить правду у оставшихся в живых, служивших вместе с ним. Через три месяца скитаний она оказалась в Нидерландах, и как говорится, не в то время и не в том месте. Беатрис в мужской одежде (так было намного удобней путешествовать), задержал французский авангард около Франш-Конте, куда через несколько дней победоносно вступила армия Людовика XIV. Объяснениям Клэр тогда никто не поверил, и ее обвинили в шпионаже. Беатрис рвалась на волю – закончить расследование о судьбе мужа и вернуться домой, к сыну.

В Пиньороле находился еще один выбранный де Флери – дворянин из Нормандии Поль Лантремон, родной брат верного помощника руководителя восстания в Нормандии весной 1674 года Луи де Роан-Гемене (шевалье де Роана). Хотя сам Поль не принимал непосредственного участия в попытке восстания, но помогал, чем мог брату-бунтовщику, за что и очутился в крепости.

В замке Венсенн секретный советник короля получил согласие на свое предложение от тридцатилетнего Аргюса де Марвиля и от самого молодого из мужчин формировавшегося отряда – виконта Шарля д'Ориенталя, которому пару месяцев назад исполнилось двадцать лет. Виконт являлся гугенотом, что уже само по себе означало врага французских католиков, к тому же Шарль, несмотря на свои годы, был записным дуэлянтom, мастерски владел шпагой в стилях французской и испанской школ фехтования, не оставляя противникам шансов на победу. Четыре отпрыска известных аристократических фамилий Франции, недооценив юного д'Ориенталя, на дуэли с ним отдали Богу душу, не считая еще нескольких слишком заносчивых особ, получивших тяжкие ранения от шпаги виконта. Дело дошло до короля, и Шарль д'Ориенталь отправился в заключение, но не туда, куда рассчитывал – в Бастилию, привилегированную тюрьму, а в мертвенный холод каменных стен огромного средневекового замка.

А через две камеры от него сидел Франц фон Лоэнштейн, родственник известного немецкого драматурга и поэта Каспара фон Лоэнштейна. Хотя он и не был военным, но де Флери привлекло в нем, что парень очень метко стрелял из всех видов пистолетов и мушкетов, и по его словам, тренировался в этом с детства, с тех пор, когда смог удерживать на вытянутой руке огнестрельное оружие.

В тюрьме Экзиле де Флери договорился с заключенными Кристофером ван Дорном, подданным Республики Объединенных Нидерландов и испанцем Диэго де ля Рианьо, они оба они являлись профессиональными военными и вполне годились для отведенной им роли бойцов спецотряда. Там же Эндмунт познакомился с Уолкером Беркли, английским инженером. Он, как лицо совершенно не имеющее военной подготовки, не очень-то подходил для выполнения миссии, но де Флери по-человечески пожалел невинно осужденного и включил его в список.

Около полутора лет назад Беркли доставил и передал письмо-рекомендацию от лорда Давида Морриса, своего дальнего родственника, виконту де Тюренну. В своем послании лорд Моррис, просил главного маршала Франции оказать услугу его протекже – помочь представить молодого, но способного специалиста Беркли руководителю работ Полю Рике, строящему Лан-

гедокский канал. Кто-то занимается военными делами, а кто-то созидательным трудом, а Уолтер Беркли был вне политики и пребывал в восхищении от грандиозной и уже воплощаемой в реалии инженерной идеи. Его даже не очень-то волновала оплата труда, главное – через много-много лет он, сидя у камина, может рассказать внукам о своем участии в этом проекте века.

Де Тюренн находился в действующих войсках, поэтому принял англичанина у себя в штабе. Прочитав письмо, он расспросил Беркли, чем и где тот занимался в последнее время, и отнесся к нему весьма благосклонно, пообещав свести молодого человека с нужными людьми в ближайшее время. Какие бы причины и амбиции не управляли инженером, но строить на благо Франции – причина, заслуживающая уважения и всяческой поддержки. Но судьба бывает крайне изменчива и коварна – на утро следующего дня, через несколько часов, как главный маршал по срочному вызову короля отбыл в Сен-Жермен-О-л'Э, в штабе обнаружили пропажу секретных военных бумаг, и на Беркли пало подозрение в шпионаже. А что? Он оказался самым подходящим для такого обвинения объектом. Уолтера сразу арестовали, но об этом де Тюренну пока не докладывали, и маршал, перегруженный своими военными делами, был уверен, что протеже лорда Морриса уже находится на пути к району строительства канала, когда на самом деле молодой англичанин находился в тюрьме. Кстати, бумаги вскоре нашлись, их никто не выкрадывал, просто, штабной секретарь сунул их не в неположенное место, а сам попал под нож хирурга с воспалившимся аппендиксом. А вот в такой ситуации прокуроры тем более решили молчать, чтобы не попасть под руку разгневанного полководца, и Беркли второй год обживал (но все не мог привыкнуть), к своей тихой, но крайне неудобной тюремной камере в Экзиле.

Всех отобранных для выполнения секретного задания людей из Пиньероля, Экзила и Венсенна в разное время, в зависимости от продолжительности пути, посадили в тюремные наглухо закрытые кареты. За воротами крепостей их ожидали конные мушкетеры сопровождения. Когда уже начало светать, три кареты почти одновременно (так и рассчитывал тайный советник), въехали в расположенное в двух лье от Парижа поместье, арендованное у крупного буржуа, где их поджидал де Флери со своим помощником монахом Эриком.

Более семнадцати лет назад в своем путешествии по восточной окраине Тибетского плато в поисках древних манускриптов Эдмунт де Флери в одном из высокогорных селений подобрал мальчишку, находившегося в крайне истощенном состоянии. Из жителей деревни никто не знал, откуда появился грязный оборвыш, и не понимал его языка, впрочем, такое было в порядке вещей, почти в каждом селении говорили на своем диалекте. Тогда де Флери был свободен в средствах и, увидев, как лишившись видов на урожай вследствие оползня, людей ожидала угроза вымирания, щедро помог уже ни на что не надеющимся жителям. В благодарность в ближайшем монастыре тепло приняли странствующего иностранца с восьмилетним ребенком, который, оказался китайцем по имени Мун. Высокообразованные ламы, кроме родного, знающие несколько европейских, а также индийских и китайских языков и десятки их диалектов, расспрашивали мальчика, что с ним случилось и откуда он, но кроме истории об убийстве разбойниками всей его семьи Мун больше ничего не мог рассказать. Видимо, пережитый ужас и горе повлияли на психику ребенка частичной потерей памяти вместе с проявившейся замкнутостью и неразговорчивостью. Де Флери показали и перевели древние книги, хранившиеся в монастыре. По молодости он жадно впитывал знания незнакомого и таинственного народа и, получив разрешение, отправился вместе со своим воспитанником в один из монастырей-дацанов школы Гелуг-па, бывших крупными образовательными центрами. Благодаря протекции влиятельных людей Тибета в виде исключения де Флери под именем Сина и мальчика Муна приняли на курсы обучения секретным боевым искусствам, где они усиленно занимались около двух с половиной лет. Получив звание младшего мастера, Эдмунт вернулся во Францию, отправив Муна с доверенным человеком в Китай на поиски родственников. Но где и кого бы Мун ни спрашивал, никто ничего не знал о его роде Белой Панды. Попав в провинцию Сычуань

в горах Эмэй, в одном из даосских монастырей одиннадцатилетний Мун показал свои навыки умения древнего тибетского рукопашного боя, и отшельники согласились заниматься с ним боевыми искусствами ушу. Через восемь лет, также в порядке исключения Муна допустили к экзаменам (обычно монахи-ученики сдавали его после 10–15 лет занятий), причем последний был самый сложный и опасный. Предстояло пройти по подземному лабиринту монастыря, оснащенного всевозможными ловушками, в том числе, там находилось более сотни манекенов, вооруженных копьями и стрелами, выпускник, двигаясь вперед, наступал на плиты, и эти механизмы приводились в действие. После прохождения лабиринта Мун спрыгнул в глубокий колодец (три-четыре человеческих роста), выход из которого преграждал огромный раскаленный каменный шар, который надо было откатить голыми руками, ногами, короче, своим телом. Юноша выдержал и это испытание, о чем и известил своего названного старшего брата.

Де Флери не забывал своего питомца и настоял, чтобы тот приехал к нему во Францию. Хотя Мун считал себя буддистом, де Флери решил обратить воспитанника в христианскую религию и сам окрестил его. Юноша во всем слушался Эдмунта и с большим рвением принялся изучать богословские христианские науки, а уже через три года принял постриг и получил имя Эрик.

Все в руках Господа, когда-нибудь и отец Эрик тоже получит сан аббата и превзойдет в служении католической церкви своего старшего брата и духовного учителя, который, да простит его Иисусе, столько лет потратил на путешествия и различные мирские дела.

Сначала недавних узников проводили в двухэтажный жилой дом, где в трех комнатах, двух больших и одной маленькой – для дамы, их ждали чудные мгновенья – лохани, даже можно сказать, ванны, наполненные теплой водой, мыло, вехотки, полотенца. Слуги суетились как муравьи, поднося и меняя воду, но помогать в чем-то купающимся, им было запрещено, поэтому аристократы, перезнакомившись, терли друг другу искусанные блохами спины до красноты, только Беатрис Клэр в этом помогала служанка. Так как у подопечных де Флери изъяли для уничтожения грязную одежду, охрана в это время не обращала на них особого внимания.

После водных процедур каждому из избранных для ратных подвигов предоставили по комплекту нижнего и верхнего белья и подобрали башмаки соответствующих размеров. Какое же это высшее наслаждение быть чистым в чистой одежде! Такое поймет только тот, кто сидел в вонючих, сырых казематах. А тут еще наборы для бритья, а даме крема, мази, парфюм. Да, это вам не Англия или Голландия, где запрещалось пользоваться косметикой. Может, и в правду, судьба, улыбаясь, поворачивается к ним лицом, особенно, учитывая, что и завтрак подали, хотя и без изысков, но вкусный и плотный. Мушкетеры, вооруженные до зубов, следили за каждым движением людей, с жадностью набросившихся на пищу, словно крестьяне после тяжелой работы (какой тут, к чертям, этикет!).

После трапезы, в целях предосторожности мушкетеры сосчитали ложки и вилки на столе, затем, окружив будущих неофитов, провели их через двор до дверей большого каменного здания высотой около перша¹. Вероятно, здесь до недавнего времени хранили запасы фуража. Мушкетеры оцепили здание, а двое встали у дверей, закрыв щеколду. Сейчас без приказа тайного советника короля никто не мог выйти оттуда.

Внутри помещения склада длиной не менее арпана², пол которого полностью покрывали свежеструганные доски, вдоль стен находились шкафы для оружия, девять кабинок для переодевания и несколько длинных скамеек. На одной из торцевой стен висели мишени для стрельбы и метания холодного оружия, в середине этого своеобразного тренировочного зала часть пола была застелена парусиновыми матами из прессованной соломы. Как потом объяс-

---

¹ перш – 5,84 м. – *Прим. автора.*

² арпан – 58,4 м. – *Прим. автора.*

нили прибывшим, для учений по рукопашному бою, о котором никто из них не имел ни малейшего понятия. Из узких вертикальных окон, похожих на бойницы, расположенных близко к крыше и явно предназначенных для вентиляции с восточной стороны пробивался свет восходящего солнца. Вдобавок, в многочисленных высоких канделябрах, расставленных по периметру зала, горели свечи.

– Итак, мадам и господа, думаю, вы готовы начать наши первые уроки, – сказал де Флери, когда по его приказу ученики выстроились в ряд. Лица у них от проведенных оздоровительных процедур заметно посвежели, и главное, – в глазах появился живой блеск – выражение надежды. – Считаю своим долгом еще раз предупредить вас, что уже после сегодняшнего занятия отказ от дальнейшего участия будет означать для внезапно передумавших смертную казнь или пожизненное заключение в какой-нибудь из тюрем похуже. Есть среди вас такие?

Де Флери лгал, считая, что данная угроза будет дисциплинировать участников спецподготовки. На самом деле, отказавшихся просто бы вернули туда, откуда взяли.

– Я даю несколько секунд для окончательного бесповоротного решения, затем каждый из вас даст мне, поручившемуся за вас, слово, что пойдет до конца в нашей нелегкой и смертельно опасной миссии. – Аббат строгим пронизывающим взглядом обвел лица, стоящих перед ним. – Господин Лантремон?

– Даю слово, – холодно произнес брат мятежника.

– Фон Лоэнштейн?

– Да, даю слово.

– Господин де Марвиль?

– Слово дворянина.

Когда все ответили утвердительно, де Флери продолжил:

– Итак, начнем, господа, – он в полуобороте провел вытянутой рукой, – здесь мы будем проводить занятия по фехтованию и другим способам боевого применения холодного и огнестрельного оружия. Разрешите еще раз представиться: зовите меня господин де Фруа или просто Мастер. – Он наклонил голову в легком поклоне и, получив взаимное приветствие, продолжил: – Обучать вас буду я вместе с моим помощником, – де Фруа, не оборачиваясь, подал знак и из-за его спины выступил вперед монах, – отцом Эриком. В мое отсутствие он наделяется всеми неограниченными полномочиями командира. Выслушайте небольшое введение. Вы почти все люди опытные в обращении с оружием. Не правда ли? Но это вам только так кажется. Вы будете иметь дело с очень опасным противником, я не устану это повторять, поэтому любой из них уложит вас всех в считанные минуты, если вы не пройдете соответствующую подготовку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.